

# Странник

Однажды странствуя среди долины дикой,  
Незапно был объят я скорбию великой  
И тяжким бременем подавлен и согбен,  
Как тот, кто на суде в убийстве уличен.  
Потупя голову, в тоске ломая руки,  
Я в воплях изливал души пронзенной муки  
И горько повторял, метаясь как больной:  
Что делать буду я? Что станется со мной?  
И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.  
Уныние мое всем было непонятно.  
При детях и жене сначала я был тих  
И мысли мрачные хотел таить от них;  
Но скорбь час от часу меня стесняла боле;  
И сердце наконец раскрыл я поневоле.  
О горе, горе нам! Вы, дети, ты, жена!  
Сказал я, ведайте: моя душа полна  
Тоской и ужасом, мучительное бремя  
Тягчит меня. Идет! уж близко, близко время:  
Наш город пламени и ветрам обречен;  
Он в угли и золу вдруг будет обращен,  
И мы погибнем все, коль не успеем вскоре  
Обрести убежище; а где? о горе, горе!  
Мои домашние в смущение пришли  
И здравый ум во мне расстроеным почли.  
Но думали, что ночь и сна покой целебный  
Охолодят во мне болезни жар враждебный.  
Я лег, но во всю ночь все плакал и вздыхал  
И ни на миг очей тяжелых не смыкал.  
Поутру я один сидел, оставя ложе.  
Они пришли ко мне; на их вопрос я то же,  
Что прежде, говорил. Тут ближние мои,  
Не доверяя мне, за должное почли  
Прибегнуть к строгости. Они с ожесточеньем  
Меня на правый путь и бранью и презреньем  
Старались обратить. Но я, не внемля им,  
Все плакал и вздыхал, унынием тесним.

И наконец они от крика утомились  
И от меня, махнув рукою, отступились,  
Как от безумного, чья речь и дикий плач  
Доучны и кому суровый нужен врач.  
Пошел я вновь бродить, уныньем изнывая  
И взоры вокруг себя со страхом обращая,  
Как узник, из тюрьмы замысливший побег,  
Иль путник, до дождя спешащий на ночлег.  
Духовный труженик влача свою веригу,  
Я встретил юношу, читающего книгу.  
Он тихо поднял взор и спросил меня,  
О чем, бродя один, так горько плачу я?  
И я в ответ ему: Познай мой жребий злобный:  
Я осужден на смерть и позван в суд загробный  
И вот о чем крушусь: к суду я не готов,  
И смерть меня страшит.  
Коль жребий твой таков,  
Он возразил, и ты так жалок в самом деле,  
Чего ж ты ждешь? зачем не убежишь отселе?  
И я: Куда ж бежать? какой мне выбрать путь?  
Тогда: Не видишь ли, скажи, чего-нибудь,  
Сказал мне юноша, даль указуя перстом.  
Я оком стал глядеть болезненно-отверстым,  
Как от бельма врачом избавленный слепец.  
Я вижу некий свет, сказал я наконец.  
Иди ж, он продолжал, держись сего ты света;  
Пусть будет он тебе единственная мета,  
Пока ты тесных врат спасенья не достиг,  
Ступай! И я бежать пустился в тот же миг.  
Побег мой произвел в семье моей тревогу,  
И дети и жена кричали мне с порогу,  
Чтоб воротился я скорее. Крики их  
На площадь привлекли приятелей моих;  
Один бранил меня, другой моей супруге  
Советы подавал, иной жалел о друге,  
Кто поносил меня, кто на смех подымал,  
Кто силой воротить соседям предлагал;  
Иные уж за мной гнались; но я тем боле  
Спешил перебежать городское поле,

Дабы скорей узреть оставя те места,  
Спасенья верный путь и тесные врата.